

Временная стабильность между Вашингтоном и Пекином

(начало на стр. 1)

По мнению *Le Monde*, саммит в Сан-Франциско между Джо Байденом и Си Цзиньпином прошёл «по нижнему уровню», будучи «диалогом, пропитанным недоверием». По мнению Доминика Моизи из Института Монтеня, это были переговоры о «паузе», поскольку «фактор времени» стал решающим для обоих соперников. Пекин с осторожностью ожидает результатов американских президентских выборов 2024 г., где не исключено возвращение Дональда Трампа, и не хочет добавлять к внутренней неопределённости внешние авантюры. Вашингтон не питает иллюзий относительно китайского режима и его «гегемонистских амбиций», но не хочет, чтобы к конфликтам на Украине и в Газе добавились новые.

По мнению Натали Точки из Института международных отношений (IAI), наряду с условными «центростремительными» силами, которые могут сблизить США и Китай, существуют «системные и существенные» центробежные силы, «и они неизбежно возьмут верх». С точки зрения *Süddeutsche Zeitung*, Си всего лишь ведёт «игру по поводу времени», Китай говорит, что хочет разрядки, но готовится к конфронтации. *Handelsblatt* считает, что Пекин позиционирует себя в качестве паладина «истинного многостороннего подхода» и «глобального Юга», в действительности же он заинтересован в создании «Большой двойки», в рамках которой он будет иметь дело с Вашингтоном на равных. Не только столкновение, но и биполярное согласие между США и Китаем – классический европейский кошмар. В Нью-Дели со страниц газеты *Indian Express* Раджа Мохан, аналитик, близкий к индийской доктрине *многовекторности*, высказывает те же опасения.

В том числе и по мнению *Financial Times*, как США, так и Китай стремятся к «стабилизации», несмотря на углубление «стратегического соперничества». Вашингтон оказался в ситуации, когда ему приходится считаться с войнами на Украине и Среднем Востоке. В последнем случае он опасается расширения регионального конфликта и думает о «потенциальном умеряющем влиянии» Пекина на ключевых региональных игроков, прежде всего на Иран. Китай беспокоят растущие внутренние экономические проблемы: замедление роста, задолженность местных органов власти, «шаткий рынок недвижимости» и «первое падение прямых иностранных инвестиций» за четверть века. По мнению старейшины энергетической аналитики Дэниела Ергина, высказанному в *Wall Street Journal*, Китай, как и Иран, также заинтересован в том, чтобы не допустить расширения конфликта на Среднем Востоке, что может поставить под угрозу нефтяные маршруты. Пекин на 75 % зависит от импорта нефти, и половина этого потока проходит через Ормузский пролив.

Если речь идёт о *временной стабильности*, как утверждает большинство международных аналитиков, то вопрос заключается в том, как будут действовать средне- и долгосрочные тенденции в стратегическом противостоянии, которые вращаются вокруг диалектики биполярности и многополярности. Дмитрий Тренин из РСМД пишет, что США «самопровозглашённые победители в холодной войне», но они не смогли создать «прочное международное равновесие», которое сменило бы «биполярную систему», сложившуюся после второй мировой войны. Нынешние войны – это цена, которую платят во всём мире за неспособность Соединённых Штатов выполнить их долг «архитектора мирового порядка». О провале западнического течения в России свидетельствует размышление о 1990-х годах. «Тридцать лет назад, по окончании холодной войны, США как главная мировая держава имели возможность начать строительство многополярного мира, в котором они могли бы закрепить за собой роль балансира и модератора». Прецедентом были задачи, которые Франклин Д. Рузвельт ставил перед ООН в 1945 году; в 1991 году ситуация была ещё более благоприятной. Россия «мечтала об интеграции в западные институты». Китай сосредоточился на себе, «озабоченный строительством капитализма». На Среднем Востоке соглашения в Осло давали надежду на умиротворение. Но американский политический класс выбрал триумфализм в связи с победой в холодной войне, нежась в «однополярности» и мифе о собственной «незаменимости» и «исключительности» (*RT*, 13 ноября 2023).

Тимофей Бордачёв, программный директор международного дискуссионного клуба «Валдай», утверждает, что именно Европа в 2000-е годы вернула тему многополярности, но её ослабление в последующее десятилетие усилило зависимость от США в сфере

безопасности, что заставляет говорить сегодня о «новой биполярности» между США и Китаем.

Статья советника Байдена по национальной безопасности Джейка Салливана в журнале *Foreign Affairs* с одной стороны, подтверждает, что нынешняя администрация не отступает от формулы, по которой США считаются «незаменимой нацией», а с другой – признаёт, что международные отношения вступают в новую, гораздо более беспокойную фазу. По мнению Салливана, «эпоха, последовавшая за холодной войной» определённо закончилась, мы вступаем в «новый сезон стратегической конкуренции». По его мнению, Соединённые Штаты сталкиваются с «третьей фазой глобальной роли, которую они взяли на себя после Второй мировой войны». При этом акцент делается на фактор мощности промышленной базы. На первом этапе, с 1950-х по 1970-е годы, цель укрепления демократического лагеря и сдерживания СССР опиралась на промышленные и технологические усилия, которые начали ослабевать в 1980-е годы. На втором этапе, «когда США остались без конкурентов», Вашингтон стремился «расширить порядок, основанный на правилах»; это был как период глобального развития, так и «больших геополитических изменений». Сейчас США находятся «в начале третьей фазы»; они должны подготовиться к «новой конкуренции в эпоху взаимозависимости и транснациональных вызовов», а это требует «нового фундамента американской силы». Отметим, что, с точки зрения Салливана, линии промышленной политики и государственного интервенционизма являются предпосылками сохранения глобальной роли в том числе и в военном отношении. И, во всяком случае, он считает, что старый американский и западный порядок может быть адаптирован к новой фазе «стратегической конкуренции». Самоуверенность в признании «глобальной роли» США вступает в противоречие с широко распространённым в других столицах представлением об опасности политической нестабильности в американской метрополии. Даже по мнению журнала *The Economist*, переизбрание Трампа стало бы «самой большой опасностью для мира в 2024 году».

Заслуживает внимания и второй аспект тезиса *Financial Times*: Китай ищет передышки, поскольку ослаблен экономическими трудностями. В целом складывается впечатление, что циклическая ситуация в китайской экономике как провал политики Си Цзиньпина искусно преувеличивается; об этом с противоположных сторон спорят течения, поддерживающие переговоры с Пекином, и те, что хотели бы приближения момента, когда можно будет воспользоваться его слабостью.

Дискуссия в американском CFR может осветить среднесрочную перспективу, в которой есть фаза перемен, не подрывающая со временем рост Китая как стратегического конкурента США, но предполагающая критический период реструктуризации. По мнению Адама Позена, главы Института Петерсона, именно авторитарный и дирижистский поворот Си подорвал ход цикла посредством своего рода «длительного экономического Ковида», по сравнению с возрастающей ролью частного капитала в последние десятилетия «китайского экономического чуда». В эссе, опубликованном в августе журналом *Foreign Affairs*, Позен утверждал, что США должны проводить политику «открытых дверей» для китайских инвестиций, поскольку это усилило бы противоречия режима.

Цзунгюань Цзоэ Лю из отдела китайских исследований CFR, и Майкл Петтис, сотрудник Института Карнеги, но также профессор финансов Пекинского университета, доказывают преобладание структурных факторов в замедлении китайского роста. По мнению Петтиса, идея о том, что быстрый рост происходит благодаря частному сектору, а замедление – за счёт государственного, не применима к Китаю: «Напротив, государственное вмешательство стимулировало бурный рост Китая в первые десятилетия экономических реформ». Проблема заключается в том, что эта модель с высокими сбережениями и инвестициями достигла своего пика примерно в 2006 году. Это требовало «новых коммерческих, юридических, финансовых институтов» для повышения доходов и системы социального обеспечения, но, как и другие страны, достигшие этого переломного момента – Бразилия в 1970-х годах, Япония в 1980-х, – Пекин не стал реформировать свою модель и продолжал ориентироваться на всё менее продуктивные инвестиции.

Петтис опирается на свою давно разработанную линию мышления в отношении «китайской реструктуризации»: его текст «Avoiding the fall» («Избежать падения») датируется 2013 годом. Показательна ссылка на тезис Альберта Хиршмана 1970 года: каждая экономическая

модель развивает институты, опирающиеся на выгодные для неё сектора и области, которые защищают её выживание даже тогда, когда эти институты перестают быть функциональными для развития. В этом можно усмотреть признание закономерности *кризисов нарушения равновесия*, а также перехода от *политического цикла государственного капитализма*, который ознаменовал *экономические чудеса* после второй мировой войны.

Десять лет назад, комментируя серию политических волнений в Бразилии, Турции, Индонезии, а также публичное появление реформистской линии в Китае, мы выдвинули гипотезу о цикле *кризиса модернизации*, в рамках которого новым державам пришлось бы решать те же дилеммы, с которыми столкнулись старые державы в переломные 1970-е годы. Оказалось, что эти импульсы не столь решительны и определённые, как предполагалось. Но сегодня именно кризис порядка, как демонстрирует “доктрина Салливана”, ставит на службу направления промышленной политики и государственного интервенционизма. Можно спорить с тем, что линия Си объясняется инерцией старых структур и групп государственного капитала; с другой стороны, американское беспокойство в подготовке мер *технологического отрицания* в отношении Пекина демонстрирует, что китайские планы в области высоких технологий представляют собой серьёзную угрозу. Происходила и происходит реструктуризация и *модернизация сверху*, хотя – это факт – её результаты предстоит проверить в противостоянии.

Это традиция американской экономической мысли предписывать вегетарианскую диету конкурирующим империалистическим державам, где потребление и благосостояние *среднего класса* должно служить буфером для конкуренции на мировых рынках; также было и с обвинениями, выдвинутыми в 1970–1980-х годах против линий промышленного и ускоренного развития Германии и Японии. Пока не решено, на основе каких дозировок китайский дракон будет регулировать баланс между социал-демократизацией внутри страны и империалистической проекцией вовне, как экономической, так и военной, однако несомненно, что эти два процесса будут переплетаться.

Об этом свидетельствует и война в Газе, где Китай проявляет беспрецедентный дипломатический динамизм через БРИКС и в поддержке инициативы, возникшей в Эр-Рияде на саммите Лиги арабских государств и Организации исламского сотрудничества. Пекин открыт для сближения с Вашингтоном и даёт более оптимистичную, чем американская, интерпретацию саммита в Сан-Франциско. Но в то же время он не перестаёт указывать на неадекватность атлантического *старого порядка*, представляя растущий *Глобальный Юг* и посредничая в конфликтах и напряжённости новой эпохи.

Империалистическое противостояние – это не только войны, но и конкуренция между миротворцами. Тем временем Китай уже прочно вошёл на Средний Восток.

Ноябрь 2023 г.